

Елена Рассказова

«Фамильный артефакт: джинн, дед-морок и проклятие на пять копеек»

Елена Рассыхаева
**«Фамильный артефакт:
джинн, дед-морок и
проклятие на пять копеек»**

<https://litres.ru/73793544>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня зовут Аврора Сметанкина. Мне двадцать девять, меня только что уволили из издательства любовных романов за то, что я переписала очередной шедевр в детектив. А потом позвонил адвокат и сообщил, что бабушка умерла. В четвёртый раз. И оставила мне наследство: квартиру с долгами, странный бронзовый подсвечник и проклятие на пять копеек.

Теперь в моём присутствии ломается любая техника, продавцы путают сдачу, а мужчины внезапно признаются в любви и тут же забывают. А ещё из подсвечника вылез джинн-бюрократ, который не умеет исполнять желания по тарифу «Эконом», и дед-морок в трениках, который считает себя главой семьи.

В городе начали пропадать маги, на груди у каждого монета в пять копеек. Следователь Ветров уверен, что убийца я. А настоящий злодей мой родной дед, который хочет собрать семь фамильных артефактов и переписать реальность.

Елена Рассыхаева

«Фамильный артефакт: джинн, дед-морок и проклятие на пять копеек»

ЧАСТЬ 1. КОГДА НАСЛЕДСТВО — ГОЛОВНАЯ БОЛЬ

Глава 1. Где меня увольняют, а бабушка умирает в который раз

За что я не люблю понедельники? Их придумал кто-то с очень плохим чувством юмора. Возможно, тот же гений, который изобрёл бюрократию, утренние пробки и кофе, который всегда проливается на белую блузку.

Меня зовут Аврора Сметанкина. Да, фамилия как у дешёвого йогурта, и отец любил повторять, что назвал меня в честь принцессы, а получилось как у дворняжки. Мама просто хотела красивого имени, но не учла, что Аврора плюс Сметанкина звучит как название нового кисломолочного продукта с нотами пафоса.

Мне двадцать девять. Через полгода будет тридцать. И если кто-то сейчас скажет «кризис среднего возраста», я закричу. У меня нет среднего возраста. У меня есть хроническое состояние «ни рыба ни мясо, ни ведьма ни филолог».

Я работаю редактором в издательстве «Горячая книга». Мы специализируемся на любовных романах. Если вы думаете, что читать целыми днями про то, как бледная дева сражается с вампирским эрекцией — это весёлая работа, вы ошибаетесь. Через месяц вы возненавидите слово «пульсирующий член». Через два — начнёте исправлять грамматику в порнографии. Через полгода у вас случится нервный срыв, и вы перепишете очередной шедевр в детектив.

Что я и сделала.

— Сметанкина! — Кричал мой начальник Аркадий Вениаминович, потрясая распечаткой. На его лысине блестели капельки пота — признак того, что он сейчас лопнет, как перегретый чайник. — Вы превратили любовный роман в...

— В детектив с элементами чёрной комедии? — подсказала я жизнерадостно.

— В позор! — Он шмякнул рукопись об стол. — Где

страстная сцена на сорок шестой странице? Где «его руки скользили по её изгибам»? Где «она таяла в его объятиях»?

— Ах, это, — я откинулась на спинку стула. — Герой на сорок шестой странице оказался маньяком. Так что там была страстная сцена с ножом.

— Вы уволены!

— Аркадий Вениаминович, но рейтинг пробы пера вырос на триста процентов!

— Потому что идиоты! — заорал он. — Потому что людям нравится, когда стреляют! Но мы — издательство любовных романов! Любовных! Не детективов!

— Любовь и смерть — это два крыла одного воробья, — философски заметила я.

— Вон!

Я встала, забрала свою кружку с надписью «Мой любимый напиток — чужая кровь» и направилась к выходу.

В дверях меня нагнала секретарша Леночка — девица с силиконовой грудью и фарфоровыми мозгами.

— Аврора, ты с ума сошла, — прошептала она. — Где ты теперь работу найдёшь?

— Леночка, я филолог. Я могу работать где угодно. Например, в магическом бюро расследований.

— Но магии не существует, — округлила она глаза.

— Откуда ты знаешь? — я подмигнула. — Может, я самая настоящая ведьма.

Леночка испуганно перекрестилась. Люди такие забавные: в магию не верят, но крестятся как миленькие.

Я вышла на улицу. Осенний Питер встретил меня привычным букетом из морозящего дождя, запаха мокрого асфальта и всеобщего недовольства жизнью. Я глубоко вдохнула и замерла: сегодня было то самое чувство. Когда всё плохо, но обязательно случится что-то ещё более плохое, так что текущие проблемы покажутся цветочками.

И телефон зазвонил.

Незнакомый номер. Я ответила с предчувствием.

— Аврора Игоревна Сметанкина? — голос принадлежал мужчине с лёгкой хрипотцой — либо адвокату, либо убийце из дешёвого детектива. — Вас беспокоит Илья Семёнович Кропоткин, адвокат.

— Вы уверены? — переспросила я. — Потому что меня обычно беспокоят коллекторы, бывшие и соседка снизу, которая считает, что я хожу слишком громко.

— Я по поводу вашей бабушки, Антонины Петровны Сметанкиной.

— Что с ней? Опять умерла?

Пауза. Долгая, многозначительная пауза.

— Простите? — осторожно спросил адвокат.

— Ну, бабушка умирает каждые два года. В прошлый раз она прислала мне телеграмму «умираю, приезжай прощаться», а сама сидела на кухне с бутылкой коньяка и смотрела сериал. Говорит: «хотела проверить, любишь ли ты меня».

— Боюсь, на этот раз всё серьёзнее, — голос адвоката дрогнул. — Антонина Петровна действительно скончалась. Вчера. Сердечная недостаточность.

Кружка выпала из моих рук и разбилась. «Мой любимый напиток — чужая кровь» разлетелась на осколки, смешиваясь с лужицей.

— Вы шутите?

— Я адвокат, я не шучу даже в свой день рождения.

— Но она... — я замолчала. Бабушка действительно умерла трижды. Первый раз — когда мне было семь — она просто уехала в санаторий и забыла предупредить. Второй — когда мне было шестнадцать — она закрутила роман с грузином и пропала на три месяца. Третий — два года назад — та самая телеграмма с коньяком.

Но сейчас... сейчас что-то щёлкнуло внутри. Как будто в груди лопнула тонкая струна.

— Приезжайте, — сказал адвокат. — У неё осталась квартира. И кое-что ещё.

Он продиктовал адрес. Старый центр, район Достоевского. Бабушка жила там всегда, но я не была у неё уже три года. Ссора. Дурацкая ссора из-за того, что я не хотела выходить замуж за «приличного человека».

«Ты, Аврора, — говорила она тогда, — из рода ведьм. А ведёшь себя как курица. Нет чтобы артефакты искать, любовью правильной заниматься».

Я тогда подумала, что она спятила. Ведьмы? Артефакты? Серьёзно?

Теперь я не была в этом так уверена.

Глава 2. Джинн на минималках, или «Три желания — это несерьёзно»

Квартира оказалась именно такой, как я и ожидала: бардак, много книг, запах сушёных трав и подозрительные пятна на потолке.

— Бабуля, — прошептала я, входя. — Ну ты и даёшь.

Адвокат, тощий мужчина с портфелем, похожий на таксу, уже ждал внутри. Он вручил мне ключи, какую-то бумажку с печатями и странную шкатулку.

— Антонина Петровна просила передать это лично вам, — сказал он. — И ещё... она оставила долги.

— Долги? — я поперхнулась воздухом.

— Коммунальные за три года, кредит в магическом банке... — адвокат запнулся. — Впрочем, последнее, видимо, шутка.

— В смысле — магическом?

— Там написано «ООО "Копейка рубль бережёт", услуги по снятию порчи, наведению морока и проклятий средней тяжести». Сумма — пять тысяч рублей.

— Пять тысяч за проклятие? Это дёшево, — заметила я.

— Пять тысяч копеек.

Я замерла.

— То есть пятьдесят рублей?

— Именно. Ваша бабушка была... эксцентричной.

— Это мягко сказано.

Адвокат откланялся, оставив меня одну в квартире, которая пахла бабушкиными духами «Красная Москва», таба-

ком и чем-то ещё. Чем-то древним и тёплым. Как будто сами стены дышали.

Я прошла в комнату. Там царил идеальный порядок — в отличие от остальной квартиры. На столе стоял бронзовый подсвечник с резными узорами. На нём, на едва заметной табличке, было выгравировано:

****«Открой, когда станет совсем погано»****

Я усмехнулась. Бабушкин юмор. Она обожала такие штуки — оставлять загадки, подкидывать квесты. В детстве она устраивала мне настоящие расследования: найдёшь спрятанную конфету — получишь сладкое. Не найдёшь — будешь чистить картошку.

Но сейчас было не до игр.

— Когда станет совсем погано, — повторила я. — А что, бывает ещё хуже?

Я зажгла фитиль. Просто так. Чтобы хоть немного света, хоть чуточку тепла в этой промозглой питерской квартире.

Пламя моргнуло. Раз, другой.

А потом комната наполнилась дымом.

Не тем дымом, который бывает от свечки. Нет. Густым, фиолетовым, с запахом шафрана и жжёной бумаги. Я закашлялась, замахала руками, и в этот момент из дыма вывалилось тело.

Мужское тело.

Очень красивое мужское тело.

Восточный тип: смуглая кожа, чёрные волосы до плеч, глаза как два угля, торс — будто его лепили скульпторы эпохи Возрождения, но денег на одежду не хватило. На нём были только шёлковые шаровары и множество браслетов.

— Приветствую, — сказал он голосом, от которого у меня подогнулись колени. — Я джинн Касим. К вашим услугам, госпожа.

— Ты... — я моргнула. — Ты реальный?

— Боюсь, что да.

— А я не сплю?

— Если и спите, то я — самый эротичный сон за последние три года.

Я покраснела. Нет, я вся залилась краской, как помидор на сковородке.

— Так, — сказала я, пытаюсь взять себя в руки. — Давай по порядку. Ты джинн. Ты из подсвечника. Ты будешь исполнять мои желания?

— Именно.

— Три желания?

Касим вздохнул. Тяжело так, с явным намёком на то, что этот вопрос он слышит уже в тысячный раз.

— Нет, госпожа. Не три. Ваша бабушка заключила со мной договор на обслуживание по тарифу «Семейный эконом». Одно желание в год. Накоплением не пользуется.

— То есть? — я села на стул. Вернее, упала на стул.

— То есть за шестьдесят лет ваша бабушка накопила шестьдесят желаний. Но она их не использовала. Экономила.

— На чём?!

— На счастье, — Касим печально улыбнулся. — Она желала семейного счастья. Каждый год. Но откладывала активность.

— Зачем?

— Говорила: «всё успеется, Касим, не торопи джинна, торопи коня». Я так и не понял, при чём тут конь.

Я закрыла лицо руками.

— Значит, у меня есть шестьдесят желаний?

— Было. Но после смерти бабушки договор переписывается на наследника. А наследник — вы. И тариф меняется на «Наследство без ипотеки». Это значит — три желания. Но с ограничениями.

— Какими?

Касим начал загибать пальцы. Красивые, длинные пальцы, между прочим.

— Нельзя воскрешать мёртвых. Нельзя убивать живых.

Нельзя заставить кого-то влюбиться. Нельзя создать деньги из воздуха — это вызывает инфляцию. Нельзя...

— Стоп, — я подняла руку. — Что вообще можно?

— Можно попросить новую квартиру. Но без отделки. Можно попросить здоровье. Но без гарантии, что оно останется. Можно попросить удачу. Но на неё большая очередь.

— Это не джинн, — прошептала я. — Это Росреестр с человеческим лицом.

— Я воспринимаю это как комплимент, — Касим склонил голову.

Я встала и прошлась по комнате. Мысли путались. Бабушка умерла. У меня нет работы. Есть долги, странный подсвечник, джинн-бюрократ и...

— А почему ты такой... ну... — я покрутила рукой в воздухе.

— Красивый? — уточнил Касим.

— Голый практически.

— Форма одежды джинна прописана в договоре, пункт 347, подпункт Б. «Джинн обязан являться в наиболее привлекательном для клиента виде для повышения лояльности».

— А если я лесбиянка?

Касим на секунду замер, а потом его облик подёрнулся дымкой, и передо мной предстала потрясающе красивая восточная женщина в шароварах и с короной на голове.

— Так лучше? — спросила она моим голосом.

— Нет! — заорала я. — Верни как было! Я гетеросексуальная, просто проверяла!

— Я знал, — джинн снова принял мужской облик. — Ваша бабушка подробно описала ваши предпочтения. Вплоть до размера...

— Молчать! — я зажала уши. — Молчать, я сказала!

В этот момент из кухни донёсся звук. Как будто кто-то включил старый телевизор, но вместо программ — только шипение.

— А это что? — спросила я.

— Ах да, — Касим улыбнулся ещё шире. — Ваша бабушка оставила вам ещё один сюрприз.

Из кухни вышел мужчина.

Пожилой, в трениках, с усами как у Брежнева, в тапочках на босу ногу.

— Здорова, внучка, — сказал он басом. — Я твой дед. Морок.

Я медленно повернулась к Касиму.

— Дед-морок?

— Материализованная иллюзия, — подтвердил джинн. — Ваша бабушка создала его в молодости, чтобы пугать соседей. Потом привыкла. Забыла рассеять. Теперь он считает себя главой семьи.

— А ну-ка быстро замуж! — рявкнул дед-морок. — Тебе уже двадцать девять! В моё время в двадцать девять уже трое детей было и корова!

— В моё время, — парировала я, — коровы не живут в питерских квартирах.

— Это ты мне? — дед обиженно надул губы. — Это ты со старшим так разговариваешь? Я тебя, девка, из дома выгоню!

— Ты — иллюзия, — напомнила я.

— Иллюзия, но принципиальная! — он топнул тапком.

Я посмотрела на джинна. Джинн посмотрел на меня.

— У вас всё будет хорошо, — сказал он. — Если, конечно, вы не умрёте в ближайшие сутки.

— Что?!

— Видите ли, Аврора, — Касим сел на диван, скрестив ноги по-турецки. — На вас наложено проклятие. И довольно забавное.

— Какое?

— Проклятие на пять копеек.

— Это шутка?

— О нет. Это абсолютно реально. Пять копеек — это была плата за услуги того мага, который вас проклял. Дешёво, правда? Ваша бабушка была возмущена. Говорила: «за пять копеек даже порчу нормальную не наведут».

— И в чём суть проклятия?

— В вашем присутствии ломается любая техника, — начал перечислять Касим. — Продавцы путают сдачу ровно на пять копеек в минус. Мужчины внезапно признаются вам в любви и тут же забывают. И самое неприятное — вы притягиваете проблемы.

— Какие проблемы?

— Например, — Касим посмотрел в сторону коридора. — Труп.

Я обернулась.

В коридоре, на половичке с надписью «Добро пожаловать», лежал мужчина. Тот самый риелтор, который пытался обмануть меня с продажей квартиры. На его груди, на самом видном месте, лежала монета.

Пять копеек.

Я закричала.

Дед-морок одобрительно кивнул:

— А ничего девка. Голосистая. Рожать будет хорошо.

Глава 3. Дед-морок — тот ещё родственник

— Я не могу вызвать полицию, — сказала я, стоя над трупом и дрожа. — Потому что в моей прихожей труп. С пятикопеечной монетой. А на мне — проклятие на пять копеек. Как я это объясню?

— А ты не вызывай, — дед-морок уселся на пуфик и закурил воображаемую папиросу. — Сами разберёмся.

— Сами?! — я взвизгнула. — Мы что, будет труп прятать?

— А чего его прятать? — дед пожал плечами. — Вынеси на помойку. У нас во дворе мусорку вчера новые поставили, удобные.

— Это человек! Его нельзя на помойку!

— А чего он тогда в моём коридоре делает? — возмутился дед. — Не зван, не гость, не платил. Лежит, мешает.

— Касим! — я повернулась к джинну. — Ты можешь сделать что-нибудь?

— Могу исполнить желание, — спокойно ответил тот. — Первое из трёх.

— Желаю, чтобы труп исчез!

— Нельзя убивать живых, — напомнил джинн.

— Он уже мёртв!

— Это не освобождает меня от ответственности. Утилизация тел в мои обязанности не входит. Пункт 12, подпункт В.

— Ты бесполезный джинн!

— Я законопослушный джинн. Это разные вещи.

В этот момент в дверь позвонили.

Настоящим звонком. Не магическим. Обычным, советским, с трелью, от которой у меня дёрнулся глаз.

— Открывать? — спросил дед-морок.

— Нет! — заорала я. — Там труп! Как я открою?

— А ты ногой отодвинь, — посоветовал дед.

— Он тяжёлый!

— Так ты не ногой, ты головой думай. Хотя у тебя с этим, видно, проблемы.

Я с ненавистью посмотрела на деда. Он посмотрел на меня с любовью. С такой подозрительной, нездоровой любовью, которая бывает только у иллюзий, забытых в квартире на шестьдесят лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.